

ЭННИ ЛАЙОНС

перевод АЛИСЫ АТАРОВОЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЮДОРЫ ХАНИСЕТТ

роман

МИОО

МИФ Проза

Энни Лайонс

**Замечательная жизнь
Юдоры Ханисетт**

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 82-311.2(410)
ББК 84(4Вел)6-449

Лайонс Э.

Замечательная жизнь Юдоры Ханисетт / Э. Лайонс — «Манн, Иванов и Фербер», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214037-4

Юдоре Ханисетт восемьдесят пять. Она устала от жизни и точно знает, как хочет ее завершить. Один звонок в швейцарскую клинику приводит в действие продуманный план. Юдора желает лишь спокойно закончить все свои дела, но новая соседка, жизнерадостная десятилетняя Роуз, затягивает ее в водоворот приключений и интересных знакомств. Так в жизни Юдоры появляются приветливый сосед Стэнли, послеобеденный чай, походы по магазинам, поездки на пляж и вечеринки с пиццей. И теперь, размышляя о своем непростом прошлом и удивительном настоящем, Юдора задается вопросом: действительно ли она готова оставить все, только сейчас испытав, каково это – по-настоящему жить? Для кого эта книга Для кто любит добрые, трогательные и жизнеутверждающие истории. Для читателей книг «Служба доставки книг», «Элеанор Олифант в полном порядке», «Вторая жизнь Уве» и «Тревожные люди». На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2(410)

ББК 84(4Вел)6-449

ISBN 978-5-00-214037-4

© Лайонс Э., 2020

© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Энни Лайонс

Замечательная жизнь Юдоры Ханисетт

Original title:

Eudora Honeysett is Quite Well, Thank You

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Annie Lyons 2020. This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается Пэг

Я хочу, чтобы смерть застала меня за посадкой капусты.
Мишель де Монтень

Глава 1

Утром в этот самый вторник Юдора Ханисетт слышит, как хлопает крышка почтового ящика. Ее сердце подпрыгивает в груди, но она заставляет его вернуться на место, и оно быстро спускается, точно проколотый воздушный шарик. Снова какая-нибудь почтовая реклама. Бесплезная макулатура. Пока Юдора с трудом встает, нашаривая свою трость и стараясь поймать равновесие, она в который раз удивляется привычке человека наполнять окружающий мир ненужным хламом. Водоемы забиты пластиком, свалки – сломанными всего за три года использования холодильниками, а ее придверный коврик – бумажками вроде листовок с рекламной пиццерий и домов престарелых или объявлений с предложениями заасфальтировать подъездную дорожку, которой у нее нет. Время от времени она окидывает критическим взглядом напечатанные на дорогой бумаге брошюры из домов престарелых, страницы которых пестрят фотографиями улыбающихся пожилых пар, поднимающих бокалы за свой счастливый переезд в «пятизвездочный отель» для стариков. Ничего хуже Юдора и представить себе не может. Она родилась в этом доме и намерена в нем же умереть – и чем раньше, тем лучше.

Женщина ее возраста не может не думать о смерти, но Юдора не помнит, чтобы чувство, будто старуха с косой стоит у нее прямо за спиной, вообще когда-нибудь покидало ее. Она полагает, что отчасти это связано с тем, что она росла во времена Второй мировой войны. Тем не менее Юдору она никогда не пугала. Напротив, привычка человека отрицать смерть ее в некотором роде даже забавляет, но все же совершенно не удивляет. Люди слишком заняты: в бесконечном поиске какой-то истины, которую им никогда не найти, они не отрываются от экранов своих мобильных телефонов, лениво посмеиваясь над дурацкими видеороликами черт знает о чем и не обращая никакого внимания на мир и людей вокруг. Чего уж говорить о ней – ее они и подавно не замечают. Юдора Ханисетт – невидимка, но ей все равно. Она постаралась прожить свою жизнь как можно лучше и теперь готова сделать следующий шаг, готова отправиться в свой последний путь – или какие там еще эвфемизмы сейчас используют, чтобы избежать этого слова?

Смерть. Конеч. Юдора ждет этого с нетерпением. Возможно, умерев, она попадет в какую-нибудь черную дыру, а возможно, если ей вдруг повезет, воссоединится со всеми людьми, которых она когда-либо любила. Этот список довольно короток. Юдора не понимает, зачем люди стремятся к тому, чтобы «иметь сто друзей». На днях она слышала по радио дискуссию о «токсичной дружбе» и о том, что подобные отношения следует прерывать. Ее глав-

ный совет – избегать таких людей. Беречь себя для самого себя. *«Не совать нос не в свое дело»*, как любила говорить ее мать.

Юдора не без труда поднимает упавшую на коврик почту и чувствует приятное удивление, когда обнаруживает среди рекламного мусора большой конверт со швейцарскими марками, на котором написано ее имя. Женщина снова испытывает чувство предвкушения, и на этот раз вполне обоснованно. Она ждала его. Возможно, даже с нетерпением. Юдора кладет всю остальную почту на конверт и несет ее на кухню, а потом кладет на столешницу, как какой-то священный артефакт, заслуживающий уважения и благоговения. Она просматривает остальные бумаги. Ей адресовано еще одно письмо: бесполезная запись на очередной медицинский осмотр. Юдора понимает, что для Государственной службы здравоохранения поддержание ее жизни – это долг, но иногда ей просто хочется, чтобы ее оставили в покое. Она мечтает, чтобы у нее был способ формально отказаться от их вмешательства. Юдора отбрасывает извещение о записи в больницу и нерешительно стискивает конверт с письмом из Швейцарии. Взглянув на часы, она неохотно откладывает драгоценное послание в сторону. Она прочтет его потом, уделив ему все свое внимание.

Юдора собирает вещи и готовится выйти из дома. Ей нравится придерживаться какого-то ежедневного графика. Она, может, и устала от жизни, но сидеть весь день дома, прилипнув к креслу, как большинство ее ровесников, не собирается. Все ее движения замедлились, точно стрелки старых часов, но будь она проклята, если никак этому не помешает. Она всегда просыпается в восемь, а в десять уже выходит из дома. В мире слишком много разгильдяев, и пополнять их ряды Юдора не намерена.

Она берет сумку с плавательными принадлежностями и выходит на улицу. Яркий солнечный свет ослепляет ее, вызывая головокружение, но через несколько секунд ее фотохромные очки¹ затемняются, даря глазам тень и комфорт. Юдора замечает, что табличку с надписью «Продается» у соседнего дома заменили на «Продан». Она ежится, с ужасом предвкушая появление новых соседей. Вот бы они держались особняком, как и предыдущие... Юдора замечает почтальона, переходящего от дома к дому, и избегает его взгляда. У них не очень хорошие отношения с тех пор, как год назад она обругала его за то, что он решил срезать путь, пройдя по ее саду и истоптав лилии, которые потом так и не зацвели. Раньше он, бывало, задерживался, чтобы поболтать с ней, но теперь даже не смотрит в ее сторону. Юдоре все равно. Он тогда повел себя бесцеремонно, и ему следовало на это указать.

Юдора двигается медленно, но с решительным упорством. Вскоре ее шаги приобретают устойчивый ритм: стук, топ, топ; стук, топ, топ. Она идет, опираясь на свою трость, или «третью ногу», как однажды назвала ее улыбающаяся соработница. Девушку звали Рут, и она была полна энтузиазма. Юдора не разделяла ее восторга, но и возражать не стала. Рут была добра к ней, а в мире Юдоры подобное отношение встречалось нечасто, так что она старалась принимать его, когда у нее появлялась такая возможность.

Рут возникла в жизни Юдоры будто по волшебству. Это случилось в прошлом году, через день после того, как она упала. Вот Юдора идет по тротуару, а вот уже лежит на нем лицом, как на подушке. К сожалению, свидетелем этого инцидента оказался мужчина с двумя раздражающе твякающими собачонками, который настоял на вызове скорой помощи. Юдора попыталась доказать ему, что с ней все будет в порядке, если он просто доведет ее до дома. Но затем ее вдруг охватила паника: она захотела назвать свой адрес и не смогла его вспомнить. Однако через мгновение у нее в голове прояснилось:

– Коттедж на набережной, Клифф-роуд, Уолдрингфилд, Саффолк.

Мужчина нахмурился:

¹ Очки с линзами, которые темнеют и светлеют в зависимости от интенсивности УФ-излучения или светового потока. Здесь и далее – примечания редактора.

– Саффолк?

– Да, – не отступилась Юдора.

Его лицо приобрело крайне доброе выражение:

– Я так не думаю, дорогая. Ведь мы на юго-востоке Лондона. Не в Саффолке. Я все же вызову скорую. Вы могли заработать сотрясение мозга.

Так все и началось: с поездки в машине скорой, которая вылилась в длительное ожидание в отделении неотложной помощи. Именно тогда Юдора испытала нечто вроде прозрения. Не то чтобы она сочла гнетущую атмосферу переполненной приемной травмпункта толчком к просветлению, но она прожила достаточно долго, чтобы знать, что жизнь никогда не перестает удивлять.

Искру озарения в сознании Юдоры зажгла почти беззубая старушка с волосатой родинкой на щеке. Она напоминала ведьму из детской сказки – с тем лишь отличием, что, когда она говорила (а после того как Юдора приняла сомнительное решение сесть с ней рядом, старушка только этим и занималась), ее слезящиеся глаза светились добротой.

– Недолго нам с тобой осталось, – крикнула она, взглянув на Юдору.

– Будем надеяться, – ответила та с вежливой улыбкой. – Хотя сегодня здесь многовато народу. Боюсь, нам с вами все же придется подождать.

Старушка покачала головой:

– Я не про очередь, балда. Я имею в виду, что жить нам осталось недолго.

В другой ситуации Юдору задело бы это замечание, но тогда она будто ощутила, что эта странная маленькая старушка – ее родственная душа.

– Ну и это тоже, – признала она. – Однако, к сожалению, над такими вещами мы не властны.

– Я подумывала убить себя, – бросила ее собеседница с такой легкостью, словно рассказывала, что планирует съесть на обед.

– Боже милостивый!

Старушка посмотрела на Юдору с явным удовольствием:

– Даже не делай вид, что не думала об этом. Эта мысль приходит всем старикам.

Юдора против собственного желания вспомнила весь ужас, который испытала в прошлом.

– Вот еще, – сказала она, выпрямившись на стуле.

– Поберегись! – крикнул ворвавшийся в приемную врач, толкая с помощью коллеги каталку, на которой лежал пожилой мужчина. Вдруг из ниоткуда появилось множество других медиков. Больного везли по коридору, а они проверяли его жизненные показатели. – У него остановка сердца!

Все в зале ожидания, казалось, затаили дыхание, когда процессия исчезла в глубине коридора.

– Неужели ты хочешь кончить, как этот старый бедняга? – спросила женщина, похлопывая Юдору по руке. – Чтобы, пока ты отходишь в мир иной, тебя без конца тягали и переворачивали. Уж лучше взять все в свои руки.

– Но как? – спросила Юдора, когда ее любопытство пересилило страх.

Старушка постучала себя по носу и подмигнула, а потом, покопавшись в своей сумке, ремешок которой был перекинут через ее плечо, словно автомобильный ремень безопасности, протянула Юдоре свернутую брошюру. Та брезгливо приняла ее, чувствуя себя так, будто ей вручили грязный носок.

– Звякни им.

– Элси Хоулетт! – позвала медсестра.

Старушка медленно поднялась на ноги.

– Береги себя, Юдора, – сказала она и пошла вперед не оглядываясь.

Лишь много времени спустя, уже сдав все анализы, проконсультировавшись у докторов, глаза которых покраснели от бесконечной работы, и поговорив с беззаботными медсестрами, Юдора поняла, что не называла Элси своего имени. Она предположила, что та, должно быть, подслушала ее разговор с фельдшером. Вопреки здравому смыслу и из-за того, что ей нечего было делать, Юдора прочитала брошюру от корки до корки. После этого ее мозг заработал с невероятной скоростью, и в ее сознании, подобно салютным залпам, стали одна за другой возникать мысли. Когда доктор заговорил с ней, сочувственно заламывая руки – вероятно, из-за того, что ей было невероятно много лет, а лекарства от старости у него не было, – в ее голове словно щелкнул переключатель. Она приняла решение. Когда ей наконец сообщили, что осмотр окончен, она, прижав брошюру Элси к груди, обратилась к одной из медсестер:

– Простите, я хотела узнать, могу ли я увидеть Элси Хоулетт, пожалуйста?

Лицо девушки вытянулось.

– Вы родственница?

– Нет. Я... – Юдора сделала паузу, подыскивая подходящее слово, – подруга.

Медсестра заговорила, глядя куда-то ей за спину:

– На самом деле я не имею права разглашать личную информацию пациентов лицам, не являющимся их родственниками.

– Ох, верно. Что ж, тогда я ее сестра.

Утомленная медсестра выдавила полуулыбку:

– Мне очень жаль, дорогая. Элси скончалась около получаса назад.

– О, – произнесла Юдора, комкая брошюру. – Так она умерла...

Медсестра дотронулась до ее плеча:

– Да. Мне очень жаль.

Юдора посмотрела ей в глаза:

– Не нужно. Она была готова уйти.

Медсестра неуверенно кивнула:

– Берегите себя.

По пути домой Юдора жмурилась от светящего в окна больничного автобуса сомнительной комфортности осеннего солнца, чувствуя себя так, будто заново родилась. Государственная служба здравоохранения взяла ее в ежовые рукавицы благожелательности, но на ее стороне были мудрость и свирепая решимость Элси. Она не могла представить себе более могущественной силы.

Рут была одной из длинного списка людей, полных решимости любой ценой продлить существование Юдоры. Она появилась на пороге ее дома дождливым октябрьским днем. Юдора не могла выйти на улицу уже почти неделю и была до ярости расстроена тем, что ее суставы напрочь отказываются слушаться. Рут подарила ей трость, и Юдора неожиданно почувствовала, как ее накрывает волна нежности к этой женщине. Этот подарок стал для нее буквально даром небес. Юдора снова была свободна, и для нее распахнулись двери во внешний мир. Она могла начать воплощать свою задумку.

Чувство симпатии мгновенно исчезло, когда Рут извлекла из сумки папку с ручкой и стала заполнять очередной бланк.

– Ю-до-ра Ха-ни-сетт, – выговаривала она, записывая.

- С двумя буквами «т», – уточнила Юдора. Люди коверкали ее фамилию всю ее жизнь.
- Вы живете одна, Юдора?

Она предпочла бы «мисс Ханисетт», но все же сумела подавить разочарование:

- Да.
- У вас есть родственники?
- Нет.

Выражение лица Рут стало сочувствующим:

- Друзья?
- У меня есть кот.

Соцработница взглянула на растянувшегося на спинке дивана ленивого пушистого толстяка, которого Юдора использовала в качестве отговорки, и улыбнулась:

- Полагаю, от него мало помощи, когда дело касается уборки и походов за покупками.

Сказав это, Рут надеялась развеселить Юдору, но эти слова лишь спровоцировали у нее защитную реакцию.

- Я справляюсь, – твердо сказала она.

– Я не сомневаюсь, что так и есть, – лишь хочу, чтобы вы знали: мы предлагаем всестороннюю поддержку. Я могу связать вас с агентствами, которые оказывают помощь с уборкой и стиркой, или даже назначить человека, который будет заглядывать к вам каждый день.

Юдора уставилась на соцработницу с таким лицом, будто та предлагала ей устроить оргию:

- Мне вовсе не нужна помощь. Спасибо.

Рут понимающе кивнула. Этот кивок означал, что подобные слова от стариков вроде Юдоры она слышала уже бесчисленное количество раз:

– В любом случае, пожалуйста, помните, что, если вам понадобится помощь, мы всегда рядом. Я оставлю вам свою визитку на случай, если вы передумаете.

Как только Рут ушла, Юдора сразу же выбросила карточку в мусорное ведро. Монтгомери – ее кот – обвился вокруг ног женщины, не давая ей двинуться с места, и громко замыкал, требуя еды.

– Нам с тобой никто не нужен, верно, Монтгомери? – сказала Юдора, наполняя его миску кошачьим кормом. Она поставила ее на пол и попыталась почесать кота за ушами, но, когда он цапнул ее за руку, оставила эту затею.

Стоит ей дойти до развлекательного центра, в Юдоре рождается чувство признательности за то, что членство в плавательном клубе гарантирует ей некоторую анонимность. У нее есть карточка, благодаря которой ей не нужно задерживаться на стойке регистрации. Единственная проблема заключается в том, что приходится проходить через турникет. Юдора ненавидит и презирает все современные технологии; она даже хотела отказаться от абонемента, когда на входе установили этот ужас. Тем не менее она с легкостью научилась проводить карточкой по сканеру турникета, и теперь путь к раздевалке не требует от нее никаких усилий. Юдора, как всегда, переодевается в своей любимой кабинке и, сложив вещи в свой любимый шкафчик, направляется к бассейну, кивая пловцам, которых видит каждую неделю, – разговаривать с ними ей, к счастью, не приходится. Окунувшись, она старается не обращать внимания на прохладу воды и, проигнорировав замечание жизнерадостной девушки насчет ее темпера-

туры, наконец предается блаженству. Бассейн – единственное место, где Юдора испытывает нечто вроде радости. Какое-то время она чувствует себя невесомой, а мучающая ее боль отступает. Она всегда была отличной пловчихой и даже теперь скользит по воде с той же легкостью, что и в подростковом возрасте. Боль не исчезает совсем, но, когда Юдора расправляет плечи и начинает плыть, отходит на второй план.

Плавать она недолго – около получаса, – но этого достаточно, чтобы почувствовать то, что ей так необходимо: стремление к жизни и готовность прожить еще один день. Выйдя из бассейна, она берет свою трость и направляется в раздевалку, ощущая, как на нее вновь наваливается неизбежность реальности.

Юдора выходит из развлекательного центра и замечает двух женщин, которые спорят из-за парковочного места. Воздух вокруг них буквально плавится от обилия ругательств. Не в силах скрыть свой ужас, Юдора смотрит на них разинув рот. И когда только мир стал таким громким и злым? Одна из спорящих женщин замечает ее.

– Какого черта пялишься, карга? – рычит она.

Будь Юдора помоложе, она, вероятно, нашла бы, что ей ответить, – посоветовала бы не дерзить старшим и относиться к ним с уважением. Но это время давно прошло. Юдора понимает, что грубиянка непредсказуема и одними словами ее не убедить. Старость делает тебя уязвимым. Ты хрупок, как хрустальный бокал, который находится в постоянной опасности разбиться.

– Извините, – бормочет Юдора, склоняя голову и устремляясь прочь. Она идет так быстро, как только может. Один из самых неприятных аспектов старения – это замедление темпа жизни. Лет до семидесяти Юдора еще могла сделать замечание тут, поспорить там, но дни замечаний и споров давно закончились. Теперь, во времена, когда все бесконечно спешат, спешат, спешат, она стала не нужна.

Юдора незаметно бросает взгляд через плечо. Дамочки все еще ругаются. Вышедший на парковку сотрудник развлекательного центра пытается урезонить спорщиц, из-за которых уже собралась очередь сигналящих машин. Юдора замечает, что у нее дрожат руки, и решает зайти в магазин, который находится на середине пути к ее дому. Хотя ее и не радует большинство аспектов современной жизни, она не может не восхищаться минимаркетами, которые в последнее время открылись почти на каждой большой улице. Они комфортны, удобно расположены и достаточно велики для того, чтобы сохранить ее анонимность, а еще, что обнадеживает, в них обычно есть охранник.

Юдора кивает этому напоминающему медведя громиле. Он, скрестив руки, стоит у входа, вдыхая священную прохладу замороженных продуктов. Она твердым шагом идет к холодильнику, берет пакет молока и неожиданно оказывается перед витриной с выпечкой.

Когда Юдора была маленькой, ее мать даже мысли не допускала о покупных тортах. У них дома всегда можно было полакомиться домашним бисквитом или фруктовым пирогом, а зачастую даже тарталетками с лимонным кремом, приготовленными из остатков теста. Глаза Юдоры останавливаются на упаковке чего-то напоминающего пирожки с яблоком. В ее голове проносится воспоминание, следом за которым накатывает неожиданная волна спокойствия.

Она берет с полки упаковку с пирожками и как можно быстрее несет ее на кассу, чтобы не передумать.

Юдора продолжает свой путь домой, укрепив обретенное в бассейне чувство покоя и испытывая тайную радость от незапланированной покупки. Свернув за угол, она оказывается на своей улице, где ее неожиданно пугает пара небольших собак, которые с лаем начинают кружиться вокруг нее, путая ей ноги своими поводками.

– Чейз! Дейв! Ко мне, сейчас же!

Псы отскакивают от Юдоры, освобождая ее от пут. Она хмуро смотрит в лицо их хозяину.

– Мне очень жаль, мисс Ханисетт, – говорит он. – Простите мне мой французский, но эти двое – те еще засранцы. Вы в порядке?

Юдора испытывает смешанные эмоции. Ее раздражение смягчается тем, что он называет ее «мисс», но усиливается из-за его ругательств и юго-восточного акцента. Вдобавок Юдора понятия не имеет, кто этот человек. По его внешнему виду она определяет, что он на несколько лет моложе ее, может лет на пять. Он седовлас и довольно элегантно одет: на нем клетчатая голубая рубашка и выглаженные иссиня-черные брюки. В уголках его глаз Юдора замечает веселые морщинки. Она никогда не доверяла людям с такими морщинками.

– Я в порядке, спасибо. Мы знакомы?

Мужчина с улыбкой протягивает руку:

– Стэнли Марчем. Это я в прошлом году поднимал вас с тротуара, когда вы перебрали.

Юдора смотрит на него, не скрывая ужаса. Он смеется:

– Шучу. Но это правда я помог вам, когда вы упали. Как вы чувствуете себя сейчас?

Юдора улавливает в его голосе беспокойство и сочувствие, и ей хочется сбежать:

– Прекрасно как никогда. Спасибо. А теперь, если вы меня извините...

Стэнли кивает:

– Конечно. Во столько мест еще нужно заглянуть, столько людей увидеть.

– Да уж немало, – фыркает Юдора. – Хорошего дня.

– Смотрите под ноги.

Когда Юдора заходит домой и закрывает за собой дверь, ее накрывает волна усталости. Она заваривает чай и делает бутерброд, относит их в гостиную, а потом с облегчением опускается в кресло.

Она просыпается через несколько часов: чай уже давно остыл, бутерброд подсох, а конечности наполнила усталость. В последние дни сон совсем не добавляет ей энергии – лишь помогает дожидаться следующей передышки. Когда ее разум окончательно просыпается, она вспоминает про письмо из Швейцарии и пирожки с яблоком. Этого оказывается достаточно для того, чтобы она встала с кресла и принесла все это, а еще заварила себе свежий чай. Пока Юдора суетится на кухне, ей в голову приходит кое-какая мысль. Порывшись в одном из ящиков, она наконец находит то, что искала, – свечи. Вернувшись в гостиную, она втыкает одну из них в пирожок и чиркает спичкой. Пламя освещает рамку с фотографией: на снимке запечатлены родители Юдоры, между которыми втиснулась она сама в пятилетнем возрасте.

– С днем рождения, Юдора, – шепчет она, прежде чем задуть свечу и безмолвно загадать желание.

Она вынимает свечу и берет пирожок так, чтобы было удобно кусать. Он оказывается ужасно сладким, но она голодна, так что съедает половину, не успев выпить ни глотка чая, который разбавил бы сладость. Юдора вытирает ладони и рот платком и берет в руки письмо. Вот то, чего она так ждала. Вот ее именинный подарок.

Она достает нож для писем, принадлежавший ее отцу. Он сделан в виде небольшого серебряного меча. Юдора помнит, как он завораживал ее в детстве, хоть ей и не позволяли прикасаться к нему. Она вскрывает конверт и вынимает из него пачку скрепленных степлером листов. Ее сердце бешено бьется, когда она читает заголовок:

Клиника Lebenswahl² предлагает вам выбор и смерть, достойную прожитой вами жизни.

Юдора кусает недоеденный пирожок, переворачивает страницу и начинает читать.

² «Жизненный выбор» (нем.).

1940 год, чайный магазин Lyons, Пикадилли

– Выбирай все что хочешь. Что угодно. – Глаза Альберта Ханисетта сияли от предвкушения.

– Ты уверен, папа? Разве нам не нужно соблюдать умеренность? – Юдора увидела эти слова на плакате. Она не знала, что они значат, но звучала эта фраза солидно.

Отец рассмеялся. Его смех был громким и теплым. Когда Юдора слышала его, она будто чувствовала отцовские объятия.

– Дорогая Дора, – сказал он. – Моя милая, добрая девочка. Не переживай. Я только сегодня утром звонил мистеру Черчиллю, и он сказал, что в честь дня рождения тебе разрешено особое угощение.

Юдора хихикнула:

– Тогда можно мне, пожалуйста, пирожное и стакан кордиала?

– Отличный выбор, – заверил ее Альберт, кивая официантке, чтобы сделать заказ.

Юдора выпрямилась на стуле и, сложив руки на коленях, оглядела других посетителей. Если бы не пара мужчин в военной форме, можно было бы даже забыть о том, что сейчас идет война. Она восхищенно рассматривала аккуратно одетых женщин с шикарными прическами. Девочка разглядела собственный мятый наряд – мешковатое клетчатое платье с уродливым воротничком, которое мать сшила ей из старой скатерти.

Юдора, конечно, никогда не сказала бы этого вслух, но ей казалось, что война – это захватывающе. Мысль о том, что солдаты героически сражаются за свободу, а мистер Черчилль ведет их к победе, будоражила ее как ничто другое. Через некоторое время после начала войны родители отправили Юдору к дяде ее матери в Саффолк, но вскоре решили, что ей будет безопаснее вернуться в Лондон. Девочка была уверена, что скоро война закончится, а их с родителями жизнь станет такой же счастливой, как и раньше.

Через мгновение официантка вернулась с заказом, и, когда Юдора заметила, что в пирожное вставлена свеча, жизнь показалась ей сказкой.

– С днем рождения, – сказала официантка, ставя перед ней тарелку.

– Спасибо, – ответила Юдора.

– С днем рождения, Дора, – сказал отец. – Загадывай желание.

Юдора задула свечу и закрыла глаза. *«Я желаю... Я желаю... Я желаю, чтобы этот момент длился вечно».*

В ответ раздался визг сирены, сообщающий о воздушной тревоге. *«Может быть, сегодня за желания отвечает Гитлер»*, – думала Юдора, пока отец за руку вел ее в бомбоубежище. Он сжимал ее ладонь почти до боли, но девочка не возражала, потому как знала, что с ним она в безопасности. С ней ни разу не случилось ничего плохого, когда рядом был Альберт Ханисетт. В полумраке подвала он притянул ее ближе и чмокнул в макушку.

– У меня для тебя сюрприз, – сказал он, доставая из огромного кармана своего пальто что-то завернутое в салфетку.

– Мое пирожное! – обрадовалась Юдора. – Спасибо, папа.

– С днем рождения, Дора.

– Хочешь кусочек? – спросила она.

Когда отец ответил, девочка поняла по его голосу, что он улыбается:

– Нет. Кушай сама. Это тебе за то, что ты была такой хорошей девочкой. Ты делаешь нас с мамой очень счастливыми.

Юдора прижалась к отцу, смакуя каждый кусочек пирожного. Кисло-сладкий вкус повидла напомнил ей о том, как она собирала яблоки в саду дядюшки Джона.

– Жалко, что мама не пошла сегодня с нами, – сказала она, доев пирожное и вытирая рот салфеткой.

– Вообще-то я как раз хотел с тобой об этом поговорить. – Юдора молча уставилась на отца. В его голосе слышались нотки осторожности. В бомбоубежище стало жарко, и от этого покалывало кожу. – Видишь ли, мама сейчас очень устает, потому что носит в животике малыша.

Юдора застыла, не зная, как на это реагировать. Отец, казалось, почувствовал это:

– Тебе абсолютно не о чем беспокоиться – все будет замечательно. У тебя появится новый друг для игр, который никогда тебя не бросит.

Его слова убедили Юдору. Все это звучало неплохо. У большинства ее школьных друзей были братья и сестры, и иногда ей тоже хотелось этого.

– И конечно же, этот малыш станет самым счастливым ребенком в мире, потому что ты будешь его старшей сестрой.

Юдора опустила голову отцу на грудь, вдыхая исходящий от него запах табака.

– И еще кое-что. – Снова нотки осторожности. Юдора затаила дыхание. – Я должен ненадолго уехать.

– Куда? На сколько? Когда ты вернешься? – она засыпала его вопросами.

Отец прижал Юдору к себе. Ей стало дурно.

– Этого я точно не знаю, как и не знаю, сколько времени займет моя поездка. Поэтому мне нужно, чтобы ты была очень храброй и позаботилась о маме с малышом, пока меня не будет.

В ее голове теснились вопросы. *«Но почему именно сейчас? Почему ты не говоришь, надолго ли это? Почему не знаешь, когда вернешься? Почему не обещаешь, что все будет хорошо?»* Юдора плотно сжала губы, чтобы остановить поток слов, потому что знала, что отец ни за что не станет ей лгать, и потому что больше всего на свете боялась услышать правду.

Прозвучал сигнал, что небо чисто, но Юдора с отцом не двигались, пока не остались одни. Он крепко прижимал ее к себе. Спустя годы она осознала, что, вместо того чтобы утешить своего ребенка, Альберт Ханисетт, прекрасно понимавший, насколько неопределенно их будущее, сам цеплялся за нее, как за спасательный круг.

– Так ты присмотришь за мамой и малышом вместо меня? Пожалуйста.

Юдора взглянула отцу в лицо. Ей показалось, что в его глазах сверкнули слезы, но потом девочка решила, что это лишь игра света.

– Конечно, папа. Я присмотрю за ними, а когда ты вернешься домой, мы сможем делать это вместе.

Отец кивнул, а затем поспешил подняться и поднять ее:

– Дора, ты чудесная девочка. Я знал, что могу на тебя положиться.

Когда они, щурясь из-за яркого света, вышли наружу, Юдора оглядела улицу. Все было точно так же, как и час назад. Взглянув в окно чайного магазина, она увидела, что за их с отцом столиком сидят две женщины, как ни в чем не бывало пьющие чай и едящие бутерброды. По улице с гулом ехали автобусы и такси, мимо сновали люди, продолжая спешить по своим делам. Все было как обычно.

Однако пока отец, взяв девочку за руку, вел ее по Пикадилли, она чувствовала, что изменилась каждой клеточкой своего существа. Повзрослев, Юдора поняла, что именно тогда закончилось ее детство. Если бы тогда она знала о том, какие темные времена ждут ее впереди, то, вероятно, умоляла бы отца вернуться в бомбоубежище и остаться там навсегда.

Глава 2

На следующее утро Юдора просыпается не от звонка будильника, а от пикающего звука, с которым обычно сдает задом грузовик. Она нащупывает свои очки и смотрит на часы: 07:27. Она хмурится из-за неожиданного пробуждения, но, когда ее мозг полностью просыпается, Юдора понимает, что впервые за много лет беспробудно проспала всю ночь. А потом осознает, что, как бы это ни было неприятно, теперь ей придется менять постельное белье. Она делает глубокий вдох и с усилием садится, размышляя о том, сколько сил ей придется затратить на выполнение этой задачи. Ей на ум приходят слова бесконечно доброжелательной соцработницы Рут: *«Помните: если вам понадобится помощь, мы всегда рядом»*.

Затем Юдора вспоминает о буклете из Швейцарии, который вчера вечером прочла от корки до корки. Это побуждает ее к действию.

– Давай, Юдора. Какой смысл просто сидеть сложа руки? Просто сделай это. Позвони.

Снимать старое постельное белье легче, чем натягивать новое. В процессе Юдоре приходится несколько раз отдохнуть, и во время этих пауз она неустанно проклинает изобретателя пуховых одеял и простыней на резинках. Она вспоминает, как раньше меняла постельное белье вместе с матерью: они разглаживали простыню, пододеяльник и покрывало настолько ровно, что их кровать напоминала стерильную больничную койку. Когда мать Юдоры заболела, она пошла на поводу у этой ужасной моды на пуховые одеяла, решив, что это может облегчить им жизнь. И это действительно работало. Некоторое время. Но потом Юдора постарела и обнаружила, что простыни на резинке и пластиковые постельные булавки создавались не для пораженных артритом пальцев.

К тому времени, как она заканчивает смену белья, Монтгомери, успевший подняться на второй этаж, уже рыщет в поисках еды. Раздраженно мяукая, он запрыгивает на свежестеленную кровать. Юдора спихивает кота на пол, и он награждает ее резким шипением.

– На свете нет кота с характером хуже, чем у тебя, – обращается она к нему. Он пристально смотрит на нее холодными зелеными глазами, а потом зевает, обнажая острые, как кинжалы, зубы.

Кот, как и пуховое одеяло, был приобретен ею в минуту душевной слабости – Юдора думала, что на закате ее жизни он составит ей хорошую компанию. К ее несчастью, Монтгомери стал кошачьим олицетворением мужа-обузы – сварливого, бесцеремонного и интересующегося только тем, что он будет есть на ужин.

Юдора тратит последние силы на то, чтобы одеться. Сегодня она не пойдет в бассейн. Перед ней стоит гораздо более важная задача.

Она отодвигает занавески и видит, что у соседнего дома припаркован огромный, как океанский лайнер, фургон для переезда и что он перекрывает вход к ней во двор. Группа мужчин разной комплекции – каждый с большим или меньшим количеством татуировок – с нарабатанной за годы практики быстротой выгружает из него мебель. Один из них одаривает Юдору радостной улыбкой. Она опускает занавеску. Сегодня она не хочет отвлекаться на внешний мир.

Когда Юдора выходит со своими замаранными простынями на лестницу, кот садится на верхнюю ступеньку и смотрит на нее с укоризной.

– Если из-за тебя я споткнусь и упаду, кормить тебя будет некому, – говорит она ему.

Монтгомери бросает на нее мимолетный неприязненный взгляд, но, как ей кажется, все же понимает, о чем она. Он убегает вниз, талантливо изображая высокомерие.

Засунув белье в барабан стиральной машины, напоминающий широко разинутый рот, Юдора кормит неблагодарного кота, который молниеносно поглощает еду и убегает на улицу. Она устраивается в гостиной с чаем и тостами и, осторожно откусив, понимает, что не на шутку проголодалась. Закончив завтрак, Юдора включает радио и решает, что перед телефонным разговором ей нужно немного вздремнуть. Дикторы рассказывают о женщине, которая обратилась в одну швейцарскую клинику за эвтаназией. Она долгое время работала медсестрой в доме престарелых и даже думать не хотела о старости, поскольку своими глазами видела, как тяжело быть пожилым.

– Мудрая женщина, – бормочет Юдора, погружаясь в сон.

Резкий стук в дверь заставляет ее проснуться. Она тут же закрывает глаза снова, но непрошенный гость настроен решительно – он стучит еще раз, уже с удвоенной силой. Юдора с трудом поднимается на ноги и подходит к двери. Она с облегчением видит, что та закрыта на цепочку, и это дает ей возможность приотворить ее лишь немного. Сквозь щель она видит, как к ней с хитрой ухмылкой наклоняется молодой бритоголовый мужчина.

– Здрасьте, хозяйка. Как жизнь? – спрашивает он тоном, которым люди обычно обращаются к старикам или больным. Юдора к этому привыкла, но ненавидеть не перестала.

– Что вам нужно? – задает она вопрос, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более свирепо. Дверная цепочка придает ей храбрости.

Молодой человек хмурится, но все же продолжает:

– Меня зовут Джош, и я участвую в программе, призванной помочь молодым правонарушителям reintegrироваться в общество.

Он говорит это так, будто читает с листа, а затем протягивает Юдоре карточку, разобрать надписи на которой она не может. Женщина решает, что это читательский билет, но особой уверенности не испытывает.

– Что вам нужно? – повторяет она. Ей хочется захлопнуть перед ним дверь, но она слишком напугана.

Джош расстегивает сумку и достает из нее кухонное полотенце:

– Я продаю это. Отличного качества. Пять фунтов за штуку.

– Мне не нужны кухонные полотенца.

Джош не сдается.

– А что насчет чайных салфеток? Отдам за пятерку.

– Нет. Я не хочу ничего покупать. Пожалуйста, уходите.

Он смотрит на нее еще пару секунд, и дружелюбие исчезает с его лица, уступая место неприязни.

– Глупая старая сука, – рычит он и, поправив сумку на плече, шагает прочь. У калитки он останавливается и бросает на Юдору полный презрения взгляд. – Надеюсь, ты скоро сдохнешь, – добавляет он и, прочистив горло, сплевывает на землю.

– Значит, нас таких двое, – говорит Юдора, а потом, дрожа от облегчения, захлопывает дверь и запирает ее на замок.

Страх часто побуждает людей действовать, вынуждая их делать выбор между тем, биться им или бежать. У Юдоры больше нет ни сил, ни возможности биться, и она чувствует, что принятое ею решение бежать верное. Это будет побег без шанса вернуться, конец ее мучений.

Жизнь кажется Юдоре слишком сложной, но больше всего ее смущают вовсе не хулиганы вроде Джоша. Нынешние люди слишком эгоистичны и зациклены на себе. У них нет времени на нее и ей подобных. Они потребляют новости или еду, будто стараясь поглотить весь мир целиком, они смотрят, рассуждают и высказывают свое мнение, будто они единственные, к кому стоит прислушиваться. Юдора для этих людей – невидимка, но тем не менее она и сама давно перестала обращать на них внимание. Пусть они и дальше восхищаются Брекситом³ и Дональдом Трампом, осуждают всех вокруг и ни к кому не проявляют доброты. Им уже не помочь. А скоро ее здесь больше не будет, так что она не увидит, как они окончательно скатятся к моральному оцепенению. Скатертью дорога, в добрый путь.

Вернувшись в гостиную, Юдора дрожащими руками тянется к телефону. Она надевает свои очки для чтения, находит на обратной стороне буклета номер и набирает его, аккуратно нажимая на кнопки.

– Klinik “Lebenswahl”. Kann ich Ihnen helfen?⁴

Юдора удивлена тем, что слышит немецкий язык. Какая-то клеточка ее сознания настаивает на том, что ей лучше положить трубку, – настолько велико ее давнее отвращение к немцам. Другие, может, и простили им то, что произошло во время Второй мировой войны, но она никогда этого не забудет. В последнюю секунду Юдора вспоминает, что звонит в Швейцарию, где в ходу немецкий язык, и понимает, что бояться ей нечего.

– Вы говорите по-английски?

Сотрудница клиники отвечает мягким и умиротворяющим голосом. Юдора сразу успокаивается.

– Да, конечно. Чем я могу вам помочь?

Юдора открывает буклет. Она хочет использовать правильные термины.

– Я бы хотела записаться на добровольную эвтаназию, – твердо говорит она. Прилив адреналина при произнесении этих слов вслух вызывает у нее головокружение.

– Понимаю. Это ваш первый звонок в нашу клинику?

– Нет. До этого я звонила вам с просьбой выслать мне буклет, когда услышала о вашей организации по радио.

Она решает не упоминать Элси. Это было ее личное решение. Конец истории ее жизни.

– Спасибо, что прислали его, – продолжает она. – Я все прочитала и приняла решение. Так что я хотела бы записаться. Пожалуйста.

«Манеры, Юдора, – неважно, что ты обсуждаешь свою смерть».

– Понимаю, – повторяет швейцарка. – Что ж, как вам, наверное, известно, у нас есть протокол, которому мы обязаны следовать.

– Какой протокол? – спрашивает Юдора.

– Мы должны быть уверены, что вы как следует все обдумали. Что вы осознаете все последствия, обсудили свое решение с близкими и абсолютно точно уверены, что это единственный подходящий вам вариант.

³ Выход Великобритании из Европейского союза. Понятие образовано от сочетания слов Britain (Британия) и exit (выход).

⁴ Клиника «Жизненный выбор». Чем я могу вам помочь? (нем.)

Юдора прочищает горло. Хватит с нее этой сладкой доброжелательности.

– Мне восемьдесят пять лет. Я стара, одинока и измучена. В мире нет ничего, что я хотела бы сделать, и никого, кого я хотела бы увидеть. Я не страдаю депрессией – я просто хочу уйти. Я не испытываю восторга от мысли, что могу кончить свою жизнь в доме престарелых, сидя перед вечно орущим телевизором в подгузнике для взрослых. Я хочу покинуть этот мир, сохранив достоинство и самоуважение. Ну что, теперь вы возьметесь помочь мне или нет?

Секундная пауза.

– Да, мы можем вам помочь, но необходимо соблюсти все формальности. Если вы не сомневаетесь в своем решении, я отправлю вам бланки, вы их заполните, и мы приступим. Вас устраивает мое предложение?

– Да. Пожалуйста, – дрожащим голосом отвечает Юдора, осознав, что кто-то наконец действительно прислушался к ней. – Спасибо.

– Не стоит благодарности, – сотрудница клиники колеблется, а потом продолжает: – Я нечасто об этом говорю, но... я правда понимаю, что это для вас значит. Моя бабушка испытывала то же самое. Она хотела умереть так же, как и жила, – с удовольствием.

– И ей это удалось? – с любопытством спрашивает Юдора.

– Да. Поэтому я здесь и работаю.

Честность девушки придает Юдоре храбрости.

– Как вас зовут?

– Петра.

– Спасибо, Петра. Значит, вы пришлете мне бланки?

– Конечно. Думаю, что, так как приехать к нам вы, вероятно, не сможете, мы обсудим все по телефону.

– Это ведь не создаст проблем?

– Не думаю, но вам нужно будет заполнить много документов и отправить их нам, а еще подробно обсудить все с доктором Либерманн. Стоимость вам известна?

– Я могу себе это позволить.

– Хорошо. Прошу прощения за этот вопрос. Теперь не будете ли вы любезны сообщить мне некоторые подробности?

Юдора отвечает на вопросы.

– А вы не подскажете, сколько потребуется времени? – Юдора не считает нужным проносить очевидное *«чтобы умереть»*.

– Зависит от обстоятельств. Но я бы сказала, что примерно три-четыре месяца с момента подачи заявки. И разумеется, вы можете в любой момент передумать.

«Я не передумаю», – проносится в голове у Юдоры, и она чувствует облегчение оттого, что ее не станет к Рождеству – самому одинокому, самому безрадостному моменту в году.

– Я буду на связи на протяжении всего процесса, – говорит Петра. – Вы можете звонить мне в любое время. Если у вас возникнут вопросы или какие-то опасения, я всегда готова помочь.

– Спасибо, Петра. – Юдора надеется, что та слышит по ее голосу, как она благодарна и счастлива, как много для нее все это значит. Она вешает трубку, испытывая что-то среднее между эйфорией и изнеможением. Жребий брошен. Юдора ковыляет на кухню. Встав перед календарем, в котором нет практически никаких пометок, она отсчитывает четыре месяца вперед и нетвердым, прыгающим почерком пишет лишь одно слово.

Свобода.

Юдора улыбается. Впервые за много лет ее жизнь снова в ее руках. Старость не сможет победить ее – она бросит ей вызов, отмахнется от нее, как от назойливой мухи. Смерть заберет ее только на ее условиях.

Внезапный стук в дверь вырывает Юдору из мира фантазий. Сначала она беспокоится, что вернулся неприятный молодой продавец полотенец, но потом понимает, что в этот раз стук звучит мягче и тактичнее. Она медленно подходит к двери и приоткрывает ее, не снимая цепочки. Ее хмурый взгляд встречается со взглядом стоящей за дверью маленькой девочки. Лицо ребенка не выражает ничего конкретного, но, увидев Юдору, малышка тут же хмурится, копируя ее.

– Да? – требовательно произносит Юдора.

Над лицом девочки появляется еще одно – нервно улыбающейся женщины с растрепанными волосами. Юдора окидывает ее безгловым взглядом.

– Извините за беспокойство, – говорит женщина немного громче, чем нужно.

Малышка насупливается сильнее.

– Мама, зачем ты так кричишь?

Юдора приподнимает одну бровь.

– Извини, – отвечает женщина дочери. – Извините, – повторяет она Юдоре. – Мы просто хотели познакомиться. Мы ваши новые соседи.

– О, – произносит Юдора.

– А зачем на вашей двери цепочка? Она сломана? – спрашивает малышка.

– Она помогает держать на расстоянии незваных злоумышленников, – многозначительно отвечает Юдора.

– Мы не злоумышленники, так что вы можете открыть дверь до конца, если хотите.

Юдора этого не хочет, но быть грубой не любит. Она убирает цепочку.

– Так-то лучше, – говорит девочка. – Меня, кстати, зовут Роуз Тревидни.

Юдора пару секунд изучает Роуз. Она одета в вишнево-красную футболку, которая абсолютно не подходит к фиолетовой юбке с воланами.

– А я Мэгги, – добавляет ее мать. – Мы приехали сюда из Корнуолла. Та еще поездочка, но мы справились. У вас тут очень мило. Правда, пляжей поменьше, чем в Корнуолле, – смеется Мэгги.

Юдора не понимает, что в этом смешного. Пока ее новая знакомая болтает без умолку, она молчит, прекрасно понимая, что малышка беззастенчиво ее разглядывает. В конце концов словесный поток Мэгги иссякает.

– В общем, мы просто хотели познакомиться.

– Этот фургон еще долго тут пробудет? – спрашивает Юдора, кивая в сторону грузовика.

Мэгги оглядывается через плечо:

– Ой, эм, надеюсь, что нет. Он вам мешает?

– Он перекрывает вход в мой двор.

– Да, точно, прошу прощения.

– А как зовут вашего кота? – спрашивает Роуз, абсолютно не замечая, что в воздухе повисло напряжение.

– Монтгомери, – раздраженно отвечает Юдора.

– Оу-у, Монтгомери. Иди сюда, Монтгомери, – зовет Роуз, присаживаясь на корточки и чмокая губами, чтобы привлечь внимание кота.

– Он не очень дружелюбный, – предупреждает Юдора.

К ее изумлению, кот мчится к Роуз и не только позволяет ей себя погладить, но даже начинает мурлыкать, когда девочка предпринимает потенциально опасную для жизни попытку взять его на руки.

– Оу-у-у, кто у нас такой хороший мальчик, а? Раньше у нас тоже был кот, но его сбила машина.

Юдора наблюдает, как Роуз обнимает ее кота, параллельно засыпая ее вопросами. Выбора у нее нет – приходится на них отвечать.

- Как вас зовут?
- Юдора.
- А сколько вам лет?
- Восемьдесят пять.
- А мне десять. Вы живете тут одна?
- Да.
- А у вас есть дети?
- Нет.
- Вам, наверное, одиноко.
- Юдора хмурится:
- Вовсе нет.
- А вы любите Queen?
- А как же.
- Я тоже.

Внезапно в разговор вмешивается Мэгги.

– Роуз, я думаю, мы уже отняли у Юдоры достаточно времени, – говорит она, бормоча извинения. – Пойдем. Выберем тебе комнату.

– Ой. Ладно, – спохватывается Роуз. Девочка целует кота в макушку, опускает его на землю и бежит за своей матерью по дорожке обратно к выходу.

– До свидания, Юдора. До свидания, Монтгомери. Еще увидимся!

Юдора закрывает дверь и некоторое время стоит, стараясь понять, что же только что, черт возьми, произошло. Вдруг из ее горла вылетает тихий звук – странный, непривычный и совершенно неожиданный. Кот поднимает морду и смотрит на Юдору с удивлением – первый раз за всю свою жизнь он слышит, чтобы его хозяйка хихикала, – а потом ускользает в поисках еды.

1940 год, Сидней-авеню, юго-восток Лондона

Стелла Ханисетт возвестила о своем появлении на свет криком, таким же пронзительным, как и вой сирены, который заставил ее мучающуюся от схваток мать укрыться в бомбоубежище, построенном Альбертом перед отъездом на фронт.

– Чтобы мои ангелы были в безопасности, – говорил он Юдоре, когда она помогала ему накрывать конструкцию из листов гофрированного металла брезентом и наблюдала, как он лопата за лопатой сыплет сверху землю. – Уютно, как у Христа за пазухой, – добавил Альберт, закончив и отступив, чтобы полюбоваться их работой. Он с улыбкой взглянул на Юдору. – Поможешь мне пересадить наверх мой бедный старый кабачок? Мне пришлось выкопать его, чтобы освободить место для вашего нового укрытия.

– Конечно, папа.

– Умница. А потом попробуем создать внутри уют, чтобы вам с мамой было приятнее там находиться.

– И малышу, – сказала Юдора, придав своему лицу, как она надеялась, серьезное выражение.

Альберт наклонился, чтобы поцеловать ее в макушку:

– Теперь я знаю, что оставляю маму и твоего братика или сестричку в надежных руках.

Взглянув на него, Юдора просияла, словно обратившийся к солнцу цветок. Хоть девочка и не хотела, чтобы ее отец уезжал, она понимала, что он исполняет свой долг, а сама она должна исполнить свой. Юдора была уверена, что, если она сделает все именно так, как просит ее отец, Бог и мистер Черчилль вернут его невредимым.

– Кое-кто, похоже, совсем зазнался, – с обидой произнесли из-за забора.

– Добрый день, мистер Крэбб, – сказал Альберт, втыкая лопату прямо в крышу их нового укрытия и направляясь к соседу. – Прошу вас и миссис Крэбб без стеснения пользоваться нашим бомбоубежищем в случае воздушной атаки на Лондон – в нем хватит места на шесть человек.

Мистер Крэбб пришел в смятение:

– Адольфу Гитлеру не удастся выгнать меня из собственной постели.

Глаза Юдоры расширились, когда она представила, как их ужасный враг гоняет мистера Крэбба по его спальне.

– Мы не позволили фрицам победить нас в прошлый раз и, черт возьми, не позволим и в этот!

Юдора ахнула. Альберт, стараясь ободрить ее, опустил руку ей на плечо.

– Что ж, если вы вдруг передумаете, милости просим к нам. А теперь прошу нас извинить, – сказал он, уводя дочь прочь.

Мистер Крэбб остался стоять у забора, бормоча что-то об «этих ублюдках фрицах». Юдора прижалась к отцу. Иногда по ночам ее будил плач их соседа. От него стыла кровь в жилах, но он не был наполнен гневом – скорее напоминал отчаянный вой пойманного в ловушку зверя. Когда она впервые услышала его, то выбежала из своей комнаты и на лестничной площадке тут же столкнулась с отцом. Он опустился на колени и прижал дрожащую дочь к себе.

– Все в порядке, милая Дора. Все хорошо. Мистер Крэбб ничего не может с этим поделать. Понимаешь, он потерял на войне сына, и теперь ему снятся кошмары. Вот и все. Он просто увидел плохой сон. Понимаешь?

Юдора не поняла, но быстро кивнула, сделав вид, что это совсем не так. Любой разделенный с отцом секрет был для Юдоры сокровищем, драгоценным воспоминанием, которое она хотела сохранить в своем сердце навечно. Она всегда старалась быть к мистеру Крэббу доброй, но в его взгляде была какая-то дикость, а в поведении – непредсказуемость, и это пугало ее.

Юдора помогла отцу перетащить в убежище старый ковер, а потом держала куски проволоки, пока он прибивал их к деревянным рамам, делая из них кровати. Закончив, Альберт положил на каркасы свернутые матрасы и удовлетворенно отступил.

– Ну что, проверим, подходят ли они нам по размеру, а, Дора? – сказал он, сверкнув глазами, а потом зажег свечу и поставил ее в пустой цветочный горшок.

– Давай, папа, – сказала Юдора, забираясь на крошечную постель. – Так уютно, – хихикнула она.

Альберт занял свое место и улыбнулся ей.

– Видишь? Говорил же, как у Христа за пазухой, – сказал он, протягивая ей руку.

Она вложила свою маленькую ладошку в его и – как и всегда, оставаясь с отцом наедине, – пожелала, чтобы время остановилось. После наступления войны в ее жизни не произошло каких-то кардинальных перемен. Теперь ей приходилось все время носить с собой противогаз и прислушиваться к сиренам воздушной тревоги, но в остальном все было так же, как и раньше. Отец каждый вечер слушал новости по радио, а Юдора садилась у него в ноги и пыталась делать то же самое. Она понимала лишь немного из того, что там говорили, но слышала, как отец уверял мать, что в Лондоне они в безопасности. Для нее этого было достаточно. Отец никогда бы не стал им лгать. Если он говорил, что они в безопасности, то так оно и было.

– Вы что вообще до сих пор тут делаете? – резкий голос вошедшей в убежище хмурящейся матери, Беатрис Ханисетт, быстро положил фантазиям Юдоры конец.

Альберт отпустил руку дочери и вскочил на ноги.

– Давай заходи и посмотри, что мы с Дорой сделали, – сказал он с галантным поклоном.

– И как я, по-твоему, должна попасть внутрь? – спросила Беатрис, поглаживая рукой свой округлившийся живот.

– Я тебе помогу, мамочка, – сказала Юдора, и ее сердце подпрыгнуло, когда Альберт подмигнул ей.

Беатрис, отдуваясь, протиснулась в убежище и тяжело опустилась на одну из самодельных кроватей.

– Чутьочку темновато и тесновато, – сказала она.

Альберт сел рядом с женой и обнял ее за плечи.

– Я думаю, со временем моя леди оценит этот уют, – сказал он, целуя ее в щеку.

– Ой, да ну тебя, Альберт Ханисетт, – проворчала Беатрис, улыбаясь. Она снова обвела комнатку взглядом. – Вы славно потрудились.

– Я помогла папе сделать кровати, – сказала Юдора. – И мы посадили на крыше его кабачок.

Беатрис перевела взгляд с мужа на дочь и обратно.

– Какие же вы чудaki.

Альберт притянул Юдору к себе, заключая их с матерью в крепкие объятия.

– Мои драгоценные девочки, – прошептал он.

– Что ж, будем надеяться, что малыш появится на свет не во время бомбардировки, – сказала Беатрис.

Когда у Беатрис начались схватки, Альберта не было уже целый месяц, а Лондон всю неделю безостановочно подвергался воздушным атакам. Юдора была рада, что миссис Крэбб все же решила принять их предложение и разделить с ними их укрытие во время ночных налетов. Стремление матери, несмотря ни на что, держать себя в руках пугало девочку даже больше, чем бомбы Гитлера, так что она была рада компании. Юдора сидела затаив дыхание и сжимала руку матери, а соседка контролировала ситуацию. Миссис Крэбб была невероятно худощавой, и от нее пахло перечной мятой. Она работала библиотекарем и все же точно знала, как помочь Беатрис, которая производила на свет новую жизнь как раз в ту самую минуту, когда враг уничтожал многие другие жизни. Юдора молилась, не сводя глаз с колеблющегося пламени свечи. Внезапно грохот снаружи будто усилился, а затем все стихло. Юдора с облегчением выдохнула, но в тот же момент убежище сотряс ужасающе мощный взрыв, и ее отбросило в сторону. О металлические стены их укрытия забарабанили осколки, и ее сердце бешено забилося. Через крошечную щель в крыше она увидела небо, и ей показалось, что оно горит. Юдоре хотелось плакать, но она знала, что этого делать нельзя. Отец хотел, чтобы она была храброй. Глаза Беатрис расширились от боли и страха – она даже не замечала, какой ужас творится снаружи. Юдора крепко зажмурилась и стала молить Бога о чуде: чтобы отец вернулся и спас их.

Вдруг в тишине темной сырой комнатки послышался тихий голос:

– *Спрячь все свои проблемы в старенький рюкзак и улыбайся, улыбайся, улыбайся...*⁵

Услышав пение миссис Крэбб, Юдора удивленно моргнула и вдруг поняла, что ее мать молчит: ее полное решимости лицо застыло, глаза были плотно зажмурены – она тужилась изо всех сил. Снаружи завизжала сирена, а через мгновение в этот полный хаоса мир пришла Стелла – окровавленная и громко кричащая – и тут же присоединилась к ней. Миссис Крэбб завернула ее в одеяло и передала Беатрис.

– Пообещай мне, что вытащишь своих девочек из Лондона, – сказала она голосом, полным горечи материнской потери. – Пообещай мне.

Бледная и измученная Беатрис посмотрела на нее и кивнула:

– Я обещаю.

Они вышли из укрытия лишь несколько часов спустя и обнаружили, что в дом миссис Крэбб попала бомба – уцелела лишь фасадная стена, которая теперь напоминала обратную сторону кукольного домика. Они нашли мистера Крэбба в конце сада: кровать, на которой он лежал, выкинуло из дома взрывной волной. Миссис Крэбб переехала жить к своей сестре в Девон, и, хотя Юдоре было жаль мистера Крэбба, она подумала, что он был бы доволен тем, что Гитлеру не удалось выгнать его из собственной постели.

⁵ Слова популярной во времена Первой мировой войны британской песни Pack up your troubles in your old kit-bag and smile, smile, smile.

Глава 3

Всю следующую неделю Юдора мучается от ожидания. Ее сердце взмывает вверх, когда она слышит, как на коврик у двери падает почта, и снова ухает вниз, когда она не обнаруживает там ничего, кроме глупых рекламных брошюр. Ее единственное утешение – это надежда: надежда на то, что процедура пройдет гладко и ее жизнь закончится на ее условиях.

Моя смерть. Мой путь.

Одна лишь мысль об этом делает серые будни более сносными.

Однажды утром Юдора, следуя своему обычному распорядку, одевается, завтракает, слушая по радио программу «Сегодня», и к десяти часам уже выходит из дома. На улице свежо, но все же тепло. Юдора останавливается на пороге, позволяя себе на мгновение насладиться солнцем, а потом отправляется в путь. Впереди она замечает Стэнли Марчема, который выгуливает своих бешено лающих собак, и разрушительные последствия старости уже не кажутся ей ужасными, ведь из-за них она не сможет нагнать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.